

Когда на поезде несемся,
 мы несемся,
Деревья мчатся и дома назад,
Но небо звездное вверху
Парит за нами вслед.

Джеймс Томсон

Творчество — это потрясающий способ существования — страстный, глубокий; только любовь может сравниться с творчеством, но ведь одно не исключает другого! Лишь медитация и молитва превосходят его, однако ни в коей мере не упраздняют.

Иногда эти вещи настолько переплетены, что просто душа радуется. Однажды в Москву приехал поющий раввин Шломо Карлебах. Его концерт должен был состояться в московском Дворце молодежи на «Фрунзенской». А я столько слышала о нем, что немедленно позвонила своим лучшим друзьям — Антонову с Седовым — и побежала к началу концерта покупать билеты. Раздобыла три билета, стою, жду этих оболтусов. Народ перед входом толпится, шум, гвалт — и вдруг подъезжает автомобиль, оттуда выходит седобородый невысокий человек в шапочке-кипе, в черном одеянии, он был толстоват, розовощек, глаза веселые, посверкивают! — и поднимается по лестнице. Толпа расступилась, давая ему дорогу. А он всех оглядывает с сияющей улыбкой. Вдруг остановился и протянул руки — сначала никто не понял, к кому. И тут меня осенило: батюшки мои, да это он мне распахнул свои объятия!

Ну, тогда я поступила так, как обычно поступаю в подобных случаях, — вышла из толпы, тоже обняла его, расцеловала.

Он меня спрашивает по-английски:

— Как тебя зовут? Кто ты? Писатель???

Стоим обнявшись, разговариваем о том о сем.

Слышу:

— Маринка! — Седов с Антоновым явились и застают вышеописанную картину.

Я говорю:

— Это мой друг Шломо Карлебах. А это Серега с Андрюхой.

Короче, мы провели счастливейший вечер — с огромным залом распевая псалмы и молитвы вместе с этим ликующим, празднующим жизнь раввином.

Истинно творческого человека всегда видно невооруженным глазом — по тому, как он идет, как сидит, как пьет чай, с каким вниманием смотрит на тебя, как молчит, что говорит. Если он коснется тебя — пожмет руку или погладит по голове, — ты это запомнишь на всю жизнь. Потому что, взглянув или прикоснувшись, он одарит тебя. Он только вошел, а все вокруг наполнилось смыслом. Им хочется все время любоваться. В него невозможно не влюбиться, вы понимаете, какая штука? Он творит какой-то особый мир вокруг себя, ужасно притягательный.

Много лет назад я посмотрела фильм «Не горюй!», снятый по сценарию Резо Габриадзе. А потом смотрела и смотрела «Не горюй!» — раз шесть или восемь. «Кувшин», «Необыкновенная выставка», «Бабочка», «Мимино» — больше тридцати фильмов у Резо Габриадзе, я видела почти что все. И так честно плакала там и смеялась каждый раз. Если б мне сказал кто-нибудь тогда: эх, при-

дет время — Резо Габриадзе, останавливаясь в Москве проездом из Лозанны в Тбилиси, своей рукой наберет твой номер телефона, и ты услышишь в трубке:

— Алло? Марина? С днем рождения! Желаю вам сохранить красоту еще хотя бы на год!

— На год не получится! Это слишком много!

— Тогда на девять месяцев.

— Как вы?

— Хорошо, — ответит он мне. — Я в хороших брюках, в рубашке, носках. На мне хорошая голова, и уши не отходят далеко, но жмутся к голове боязливо. Я читаю вашу книжку, но не залпом, по слогу в неделю! Растягиваю удовольствие.

...Я не поверила бы! Просто не поверила.

На протяжении нескольких лет я никак не могла взять у него интервью для моей радиопередачи. Он постоянно был занят, причем абсолютно разными вещами, но в каждое свое дело он вкладывал всего себя без остатка. То он пек хлеб — хлеб у него кончился: женщина, у которой он жил в Москве, куда-то уехала, продукты он все съел и решил печь хлеб.

— Какое это, — говорит, — занятие прекрасное — печь хлеб.

Когда он его ел, то мука летела у него изо рта.

В другой раз прихожу — он сидит на коврике, мешок с тряпицами перебирает. К тому времени Резо Габриадзе уже стал знаменитым на весь мир режиссером кукольного театра. Маска с черной вуалью, жемчугами и золотом, расшитые воротники, серебряные нити, пурпурные ленты — этакий тюк волшебника.

Вы когда-нибудь держали птичку в руках? Мне кажется, у них в одном ритме бьется сердце — у птички Бори

Гадая из кукольного спектакля Резо Габриадзе «Осень нашей весны» и у Резо.

Я Борю не держала в руках. А старика Янкеля из этого спектакля держала. Теплый, мягкий, улыбчивый, он прожил у меня три дня и три ночи. А к концу третьего дня позвонил один художник. Он сказал, что хочет «повторить» Янкеля.

— Ну нет, — ответила я, держа старика на руках, а он отечески обнял меня за шею, прикрыл глаза; мне слышно было, как Янкель дышит. — За день не получится.

— Вся кукла из цельного куска? — деловито спросил художник. — Нет? Ах механика?! — воскликнул он.

— Органика, — сказала я.

Однажды Резо Габриадзе предложили как художнику принять участие в эротической выставке. Резо нарисовал на холсте каменную стену и написал с поистине эпическим размахом: «Если долго смотреть на стену женской бани, она становится прозрачной. У автора не было времени, поэтому он нарисовал, что он увидел, а вы смотрите и увидите, что вы хотите».

Я говорю:

— А если дальше смотреть и смотреть, то станут прозрачными обитатели бани и противоположная стенка тоже станет прозрачной, тогда взору наблюдателя откроются такие дали, о каких он даже и не подозревал!

— Но это уже работа не на эротическую выставку, — сказал Резо, — а туда, где будут пейзажи — Шишкин, Репин — вот эта компания.

Еще у него есть великий афоризм: «Если долго смотреть на табуретку — становится страшно».

Я приравниваю это высказывание к открытию неведомых, не нанесенных на карту земель. Потому что при-

вычные вещи, на которые мы смотрим как на вполне заурядные предметы, непременно имеют свой скрытый смысл. И человек, проникший в суть предмета, раскрывший этот смысл, достоин нашей памяти и благодарности.

Знаете, чем прославился на все века американский художник Йозеф Кошут? Он выставил в музее стул, Стул Обыкновенный, что дало начало целому направлению в искусстве — концептуализму. Ведь искусство и есть необыкновенный взгляд на окружающий мир.

Резо Габриадзе страшно смотреть на табуретку — и мы переживаем с ним этот страх. Стул Кошута превратился в произведение искусства лишь оттого, что художник сменил угол зрения. Главное, все люди нашей земли под этим самым углом взглянули на стул и остолбенели: он оказался совсем не той вещью, за которую выдавал себя на протяжении тысячелетий. Необыкновенный взгляд на окружающий мир — отличительная черта творческого человека. А может быть, наоборот, — именно его взгляд самый правильный, нормальный и обыкновенный. Как говорят мудрецы: то, что считается чудом на одном уровне бытия, — насквозь обычное дело на другом уровне, более высоком и духовном.

Поэтому Величайшими Творцами есть смысл называть людей, которые прозрели до такой степени, что видят мир, не искаженный гудением собственных мыслей, желаний, страхов и наваждений, а в чистом виде во всем великолепии — каким его произвел на свет Создатель.

Есть такая притча. Учитель смотрел в окно. К нему подошел ученик. Они долго стояли молча, и вдруг ученик запел и затанцевал. Все спрашивают:

— Что? Что случилось?

Художник, режиссер, сценарист, поэт, абсолютно цветущая личность — Резо Габриадзе. Актер Зиновий Гердт однажды сказал про него:
 — Красота Резо Габриадзе спасет мир.

А он отвечает в экстазе:

— Велик свет, что показал мне Учитель. Но сколько времени пройдет, прежде чем я увижу его своими глазами?

От самых мудрых людей планеты я получила радостную весть: каждому человеку суждено увидеть ЭТО своими глазами. Узнать, воспринять, прочувствовать, укорениться в ЭТОМ и расцвести. Прорыв реален прямо сейчас, но мы почему-то медлим и откладываем. Шекспир говорил: «Мы знаем, кто мы. Но мы не знаем, кем мы можем быть!»

Каждое человеческое существо — прирожденный творец. Для этого необязательно стремиться стать профессиональным поэтом, живописцем, композитором или актером. Не стоит проводить жизнь в ожидании Нобелевской премии. Я слышала, один американский искусствовед-миллионер говорил начинающему художнику:

— Молодой человек, послушайте мой совет. Не надо так неудержимо желать известности. Если б вы знали, сколько забот и хлопот обрушится на вашу голову разом! Телефон будет разрываться на части, начнутся неразрешимые проблемы с женщинами, бессмысленные интервью, оголтелые папарацци — ни секунды покоя. Вам придется решать, кто будет вас играть в Голливуде!..

Творчество — это состояние души, плодородная жизнь, разумная, щедрая, избыточная. Способность испытывать радость от самых обыкновенных вещей, например, что ты дышишь или идешь, увидел возлюбленного или обнимаешь дерево.

У меня много знакомых деревьев. Близких друзей-деревьев у меня, наверное, столько же, сколько друзей сре-

ди людей. Зимой я часто катаюсь на лыжах в лесу в Переделкине. И там есть один мой любимый дуб, который я всегда обнимаю, когда еду мимо. Однажды я с ним познакомила моего мужа Лёню. Лёня остался отдыхать в Переделкине, а я поехала домой. Потом я опять вернулась, а Лёня отправился в Москву сидеть с детьми и собакой.

Вот еду я по лесу, все белым-бело, встречаю мое дерево и думаю: интересно, Лёня узнавал его без меня? Приветствовал ли?

Подъехала, обхватила руками, вдруг вижу: в том самом месте, где я обычно лбом прижимаюсь к стволу, за отступающей корой белеет маленькая, почти незаметная бумажка. Я вытащила ее, не без труда развернула — там было написано детским почерком, немного корявым, который вполне мог принадлежать и Лёне, и дереву:

«Здравствуй, Марина!»

Я чуть не растаяла там на снегу. И подумала: может, ради этого момента мы и встретились в этом лучшем из миров?

Экзюпери говорил, что дворник подметает кусочек земного шара, а фонарщик освещает темноту Вселенной. Творческому человеку нужны пространство и свобода, не важно, рисуешь ли ты, тачаешь ли башмаки, плотник ты или садовник в красных кедах, окучивающий пионы. Поэтому в старину Мастер Жизни обучал своего ученика какому-нибудь обычному человеческому ремеслу, а его подмастерье, погружаясь в это дело, обретал глубокое просветление.

Один дьявольски талантливый пианист рассказывал, что, когда своих учеников он ведет за пределы привыч-

От автора

ного мира, ни слова не говорит им ни об истине, ни о любви, речь идет только о семи нотах. И запел:

— Ми до, ми до, фа ми ре, соль-соль-соль, ля си до-до-до!

Сама не знаю, как так оказалось, что я, профессиональный ученик, стала вести творческую мастерскую и на примере писательского ремесла взяла на себя смелость призвать вас ни при каких обстоятельствах не забывать любоваться мирозданием.

Как в последнем стихотворении, который сочинил перед смертью китайский Мастер Хосин:

Из сиянья пришел я,
Возвращаюсь в сиянье.
Что ж это?

Р. С. Наш разговор о взгляде на этот мир настойчиво потребовал изобразительного ряда. Я вспомнила притягательность, которой обладают для меня некоторые фотографии. Специально, чтобы углубиться в предмет, прочла умную, добрую, полную любви и печали книгу французского философа Ролана Барта «Camera lucida» и выстроила из фотографий, принадлежащих известным фотографам, а также любительских снимков некую картину, которая, как говорил Барт, сводится к простой мистерии существования.

Фотография Леонида Тишкова

Будучи в Москве, Резо Габриадзе часто наведывался в мастерскую Леонида Тишкова в Фурманном переулке. Огромные комнаты опустевшего старинного дома были наполнены до самой крыши творчеством — в нем нашли себе приют десятки художников, без спроса въехавшие туда со своими кисточками и холстами. Леонид увлекался созданием книг, и Резо на нескольких листах картона за вечер сочинил-нарисовал книгу под названием «Цибайи», посвятив ее китайскому художнику Ци Байши. Где обитает эта книга, теперь никто сказать не может, но осталась фотография, которую сделал Лёня Тишков фотоаппаратом «Практика», купленным в Германской Демократической Республике на гонорар за свои карикатуры в журнале «Freie Welt». Все исчезает со временем, но иногда фотографии делают нашу память зримой.

ГЛАВА 1
МОЖЕТ, ВАС ПОРАЗИЛО... УХО?

Если б вы только знали, в каком ужасе каждый сентябрь я иду на встречу с вами. Незнакомые, разношерстные, ершистые, избалованные родителями, сразу видно, что лентяи, болтуны, вообще ничего не читали, хотя все страшно важные и очень много о себе воображают; короче, полные «валенки».

Каждый сентябрь меня радостно представляют вам:

— А это наша Марина!

Я вас приветствую сдержанно. А вы глядите на меня с любопытством и некоторым подозрением: не псих ли эта Марина, а то очень похоже.

Так мы восходим на первую ступеньку лестницы, по которой я давно уже карабкаюсь и знаю, что она бывает обманчиво прогулочной и пологой, а иногда так круто забирает вверх, что дыхание срывается, коленки дрожат, сердце выскакивает из груди, а в душу закрадывается сомнение: верным путем ли я иду, граждане?

Но обратной дороги нет, и конца этой лестнице тоже нет, просто на каком-то этапе она плавно переходит в Млечный Путь, но я не могу объяснить это с первого раза.

Поэтому я вкрадчиво говорю, как двести раз вам говорили осенью в школе:

— Напишите о том, «что я делал прошедшим летом».

Лю бы м прошедшим летом. Только на этот раз выкладывайте все начистоту. Напишите о миге, когда вы жили полной жизнью. Возможно, это будет что-то совсем простое — например, вы учились делать горячие бутерброды с сыром или просто сидели на теплом камне и смотрели на реку. Может, вас поразили дерево или окно, фраза, голос, походка, лицо, чья-нибудь пятка или ухо... Расскажите об этом в мельчайших подробностях. Напишите о том, что поглощало вас в детстве. Потому что по-настоящему передать вы сумеете только то, в чем присутствует любовь и блаженство. И «для камертона» читаю вам не виданного вами — не слыханного Уильяма Сарояна «Лето белого коня». Читаю вслух удивительные рассказы «Чистый Дор» моего старшего друга и учителя Юрия Ковалю. Рассказы австралийца Алана Маршалла. Детские они? Взрослые? Да какая разница! И детям, и взрослым принадлежат эти писатели. И взрослым, и детям они — «на вырост».

И вот вы начинаете.

ЮЛЯ ПАНКРАТЬЕВА

БЕЛЫЙ ТУМАН

Курский вокзал. Поезд. Общий вагон. Мужик играет на гитаре. Бегают дети. Две старушки едят вареные яйца. Мужик отложил гитару и в один присест съел целую жареную курицу. Остановка. Дружное забрасывание детей в вагон уже на ходу.

Мальчик Миша из Электростали подошел ко мне и сказал:
— Пойдем поулыбаемся!

Украинская таможня. Ночь без луны.

...Я чувствую запах моря, но еще не в силах открыть глаза.
Преодолевая себя, вижу бесконечную воду. Вдоль железной

Может, вас поразило... ухо?

дороги тянется берег моря, вдоль берега стоят люди с удочками, а вокруг всё в каком-то белом тумане.

С моим-то зрением я не сразу поняла что это, а это были бабочки.

КАТЯ ИЛАСОВА

КОНЮХ

Ему было лет тридцать пять, а мне около одиннадцати. Он так приветливо улыбался своим беззубым ртом, и от него постоянно пахло конюшней.

— Слушай-ка, Людка, а кто он такой?

— Ванька, что ли? Да он конюх. Всю жизнь прожил в этой глуши, никогда не учился, даже читать не умеет. Все время со своими лошадьми. Деревня деревней! Можем попросить у него прокатиться.

Ваня мыл своих любимцев и о чем-то с ними беседовал.

— Вань, а можно мы посидим немножко на лошади? — робко спросила я.

— Да валяй, только не... — дальше все было непереводимо на человеческий язык.

Я попросила Ваню держать лошадь за уздечку, а сама забралась на лошадь. Кроме уздечки, там ничего больше не было — ни седла, ни стремян, ни подпруги. А все равно здорово. Сажу, слушаю, о чем Людка с Ванькой болтают.

И вдруг — собаки, прорва собак, все к нам бегут и лают. Лошадь обалдела и как побежит! А я-то сажу без седла, уздечка внизу болтается, держусь за гриву.

В первый момент, я помню, был страх и восторг. Лошадь несется быстрее, быстрее...

«Вот и смертушка моя подошла!» — подумала я и начала сползать набок, потом, как-то извернувшись, оттолкнулась от лошади и полетела в канаву.

Смотрю, вся деревня бежит — с вилами, топорами, косами, и все орут:

— Москвичка убилась!

Я встала и тоже ору:

— Да вот она я, жива!!!

Ух, что потом было — не опишешь.

А лошадь как все равно взбесилась — бежала и бежала, только к вечеру вернулась вся в мыле.

Денька через два я пошла к Ваньке на конюшню. Захожу, а он сидит на сене, какую-то книжку рассматривает. Увидел меня, смутился, книжку спрятал. Я тоже смутилась.

Потом мы уехали.

А через несколько лет мы с Людкой опять в Старораево встретились, правда уже зимой. Ну как не зайти в гости к старому знакомому!

Ванька нас не узнал, может и к лучшему. Мы долго сидели у него, и я путанно объясняла, что такое метро. А он рассказывал, что сам, собственными руками, построил водокачку. И еще признался в том, что скоро построит такую штуковину, чем-то похожую на приемник, только с обратной связью, в нее можно будет говорить, а Клавка в соседнем доме услышит.

НАДЯ ГАЙСЕНКО

УЛИТКИ

В пионерлагере у забора в крапиве жили улитки. Все они были разные, как и мы — люди. Мы собирали их со жгучих листьев и приносили в отряд. Я складывала семью улиток в синюю мыльницу с дырочками: большая черная улитка была папой, поменьше — мамой, а самые маленькие — их дети. На ночь я накрывала эту компанию листом крапивы.

Жилища улиток — мыльницы располагались у нас на подоконнике. Красные, зеленые, белые мыльницы всю смену мозолили глаза нянечке, которая убиралась в комнатах.

Приближалась осень, оканчивались каникулы. Каждый вечер мы сидели на кроватях и наблюдали заворуженно за жизнью улиток.

А в последнее утро явилась нянечка, собрала наши мыльницы и спустила улиток в унитаз.

Потом она ушла. А мы еще долго сидели и слушали, как шумит вода в туалете.